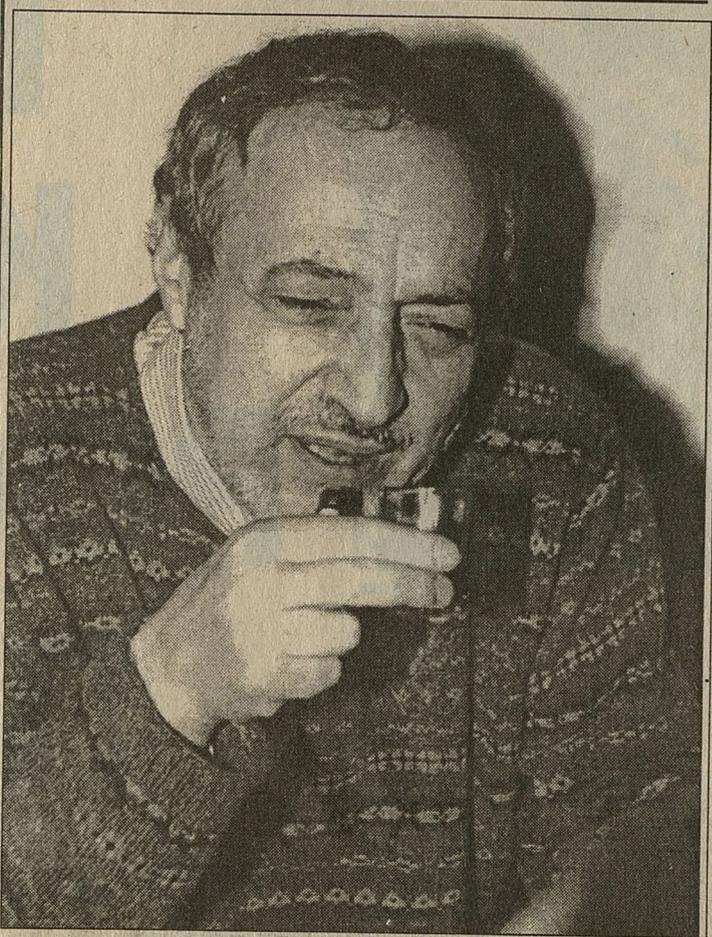

РЮМКА ВОДКИ ДЛЯ НЕПЬЮЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

Бахыт Кенжеев: «Мы никогда не связывали стихи со славой или деньгами»

Бахыт Кенжеев в представлении не нуждается — книги его стихотворений, а также обильные прозаические сочинения в наших краях хорошо известны. Напомним только, что Бахыт (вышедший из поэтического объединения «Московское время») нынче не просто поэт, а поэт лауреат премии Антибукер-2000, которой он был удостоен за книгу стихотворений «Снятая под утро» (О.Г.И.). Надеемся также, вы не забыли, что в конце прошлого года в нашем издательстве вышел двухтомник поэта, куда вошли его избранные стихотворения и проза. Предлагаем вашему вниманию беседу с поэтом, которая состоялась за пару часов до его триумфального выступления в одном из московских клубов — там, где после вечера поэзии состоялась и презентация его книги.

Бахыт Кенжеев пьет за свою победу.
Фото Дениса Тамаровского (НИ-фото)

Глеб Шульпяков

ПОСЛЕДНИЙ раз мы с тобой говорили на пленку лет пять назад, да? Что изменилось для тебя за это время: стал ли ты, выражаясь высокопарно, более безрассудным или, наоборот, мудрее? Что-то увидел, чего раньше не замечал?

— Ну, во-первых, за эти пять лет полностью утратило свое значение понятие эмиграции. Стало абсолютно неважно, где ты живешь — в Монреале, Москве или Питере. Это никому не интересно. Что до мудрости и безрассудства, то тут да, я, пожалуй, стал мудрее — то есть безрассудства даются мне со все большим трудом.

— Последнее твое безрассудство?

— Слишком личный вопрос. — Что для тебя «личный вопрос»?

— Это еще более личный вопрос.

— Как ты относишься к своей книге «Снятая под утро»? Она для тебя... не знаю, проходная, этапная, какие еще бывают?

— За свою жизнь я не написал ни одной проходной книги. Стихи — да, но не книги. Книги — это всегда этап.

— Какой — в таком случае?

— Трудно сказать, поскольку я очень быстро охлаждаю к написанному и напечатанному, и смотрю вперед. Я не кокетничать! Хотя вот перечитал свое избранное «Из семи книг» — и понял, что это не так плохо.

— А как ты воспринял Антибукер?

— Эта премия — возможность купить у себя самого время. Взять творческий отпуск. Поехать в Рим. Как если бы я получил...

— Командировочные...

—...на поездку, чтобы писать роман. Глупо тратить эти деньги на автомобиль или видеомагнитофоны.

— Ты, кстати, машину водишь?

— Нет. Я не умею водить машину, у меня нет видеомагнитофона и телевизора.

— По поводу телевизора, тут я с тобой согласен, а что с «моральной» стороной премии?

— Мне было очень приятно — чего лицемерить. Хотя с другой стороны — чувствовал себя идиотом. Это связано с биографией — с тем самым «Московским временем». Дело в том, что мы никогда не связывали стихи со славой или деньгами. Мы сидели. Писали. Читали по телефону. И вдруг... Ну это как... Как приехала девушка из деревни и обнаружила, что на нее есть спрос. Странно, да? Она же из деревни...

— То есть ты хочешь сказать,

что та «закваска» оказалась настолько сильной, что и теперь...

— Сто процентов, говорю тебе. Сто процентов. Тогда мы жили как жили: злились на советскую власть, пили, писали, гуляли по девочкам. Так? Но только теперь я понял, насколько драгоценным было то время. Потому что это было время абсолютного бескорыстия.

Молодость, юность — это понятно. Но вот эта преданность своему делу (которое связано для меня прежде всего с именем Саши Сопровского) — это осталось во всех нас. Смею надеяться.

— Твой комментарий к опустыленной уже дискуссии об Интернете и книге?

— Набоков, кажется, сказал: книга должна быть дорогой. Человек должен быть готов отдать свой заработок за день, чтобы книга стояла у него на полке. А Интернет предлагает голый текст, который никогда не сравняется с книгой. Книга — это масса составляющих. В случае с книгой, например, общеизвестная ситуация, когда прижизненное издание стоит в три раза больше, чем через год после смерти автора. Понятно, да? Человечество — штука довольно несовершенная: ему всегда нужна санкция. Книга, издательство, толстый журнал — они такую санкцию дают. Интернет — нет. Ты же не станешь отрывать листочек на заборе, где предлагают квартиру за семь тысяч. Ты хотел бы, чтобы это объявление было напечатано в газете «Из рук в руки». Ну по крайней мере.

— В рецензии на твое избранное было сказано, что стихов должно быть мало. Что нужна самофилтрация, поскольку поэтический рынок переполнен, и в этом, довольно мутном, потоке требуются только «матрицы», «подлинники». Ничего из того, что печатается для «веса», «массы».

— Ты знаешь, я очень часто

выбрасываю свои стихи. То есть я их не печатаю. Другой вопрос, что есть много, а что — мало. Вот Блок — тома поэзии. Можно наследить на книжечку избранного. Но мне нужны все стихи — я хочу сам выбирать. И потом из плохого стихотворения Блока — а у него много плохих стихов — я лучше пойму его хорошее. Ну кто еще у нас был графоманом, кроме Блока? Хлебников, Ахматова, Цветаева... Да и Бродский, наша священная корова. Но их слабые стихи нужны нам — чтобы, повторюсь, оценить сильные.

— Когда ты говоришь «мой город», какая картинка у тебя в голове? Какой город ты представляешь?

— Обычно это Москва или Ленинград. Иногда Монреаль. Акварельными красками. Так?

— Вот я вижу здесь на столе книжечку Льва Лосева. Одно время мне казалось, что Лосев и есть поэт конца девяностых. Как ты думаешь?

— Лосев — поэт очень сильный, хороший. У него есть один недостаток — он принципиальный поэт второго ряда.

— Это как-то сознательно постулируется поэтом, что ли?

— В том, что я говорю, нет никакой обиды для Лосева. Просто есть поэты, которые идут в стихах на битву с Богом, а есть те, что нет, не идут. При этом они, борцы, могут быть очень слабыми — как поэты, я имею в виду Бенедиктов, например, был поэт первого ряда, оставаясь довольно слабым стихотворцем. Многие юные поэты, пишущие свои графоманские стишки, тянутся в первый ряд по своей интенции. И таковыми являются — будучи при этом плохими поэтами. С другой стороны — блестящий поэт второго ряда Алексей Толстой. Блестящий поэт второго ряда Случевский. Кто еще? Кузмин. Просто изначально они избрали «скромное» место. Вот и Лосев — он сознательно ограничивает свою функцию. Да тот же Акунин — сразу же заявил, что он не писатель, а автор проекта. Я думаю, что он лукавит. Если он будет продолжать с тем же напором, это перерастет рамки его самоопределения.

— Напор-то писательский, а не «проектный»!

— Именно, именно.

— Что за роман ты собираешься писать в Риме? И почему в Риме?

— Роман называется «Начать и кончить», я пишу его вот уже пять лет, а в Риме... Просто в Риме меня некому будет спавивать.

— Ты — человек семейный. Тебе это помогает—отвлекает—стимулирует?

— Моя личная — назовем это так — жизнь протекает на нескольких континентах и в нескольких городах, так что я даже не знаю, помогает это или нет. Она дает мне достаточно эмоций, чтобы стихи писать, скажем так.

— Какую музыку ты слушаешь?

— Алену Апиню. Нет, правда, я не люблю музыки. Я этого очень стеснялся одно время, поскольку некоторые критики называли меня самым музыкальным поэтом. Стеснялся до тех пор, пока не узнал, что Набоков тоже не понимал музыки. Тогда мне стало как-то проще.

— Ты представляешь себе русскую поэзию в форме сюжетных миниатюр в духе Чарльза Симика? Или Стэнда?

— Пока нет. Что до того, будет ли поэзия дальше... Вот в Америке поэзия вымерла. Да она и здесь практически вымерла. Тираж поэтической книги — тысяча. В Голландии хороший тираж — две. А население — в десять раз меньше. Вот и считай. Я только надеюсь, что это процесс обратимый. Поэзия ничего не меняет. Как соль. Можно жить на бессолевой диете, на безалкогольной, но рано или поздно ты по ошибке выпиваешь рюмку водки и... Так вот поэзия — эта та самая рюмка водки, которая нужна непьющему человеку в минуты... в горестные минуты. Вот тогда человек должен пойти в магазин, купить поэтическую книгу, прочитать — и сказать себе: «Господи, какой же я был мурак!»